

КОНЦЕПЦИЯ ФЕОДАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. А. Барг

Основные закономерности развития исторической науки ничем, по существу, не отличаются от закономерностей развития наук о природе: накопление «опытного» знания время от времени приводит в ней к «качественным скачкам», то есть к переосмыслению не только многих фактов, но и концепций, затрагивающих важные проблемы данной науки. При всем том, однако, историческая наука отличается одной немаловажной особенностью: под знанием, полученным с помощью опыта, в ней фигурируют не только новые фактические данные (о прошлом человеческого общества), но и в большей или меньшей степени современная социальная практика, которая, определяя научные горизонты данного времени, позволяет каждый раз по-новому взглянуть на прошлое, по-новому его прочесть. Именно этим объясняется то, почему каждая эпоха судит об истории «по-своему», так сказать, «пишет для себя историю прошлого»¹. Наиболее ярко эта закономерность раскрывается при попытке проследить эволюцию основных концепций, в которых обобщаются значительные и более или менее завершенные стадии общественного развития.

Эволюция концепций феодализма в современной буржуазной историографии представляет поэтому не только историографический, но и большой теоретический интерес. Он усиливается тем, что именно в этой области буржуазная наука могла бы позволить себе полную объективность, если бы она была способна на нее по самому своему существу. Но изложение общих концепций по сколько-нибудь крупным проблемам истории становится в наши дни все более редким явлением в буржуазной историографии, которая порою смешивает понятие «концепция» (conception) с предвзятостью (preconception). Единственно, на что эта историография еще отваживается,— это вести полемику относительно «содержания», «объема», «границ» тех или иных исторических терминов, как будто бы за этими «терминологическими вопросами» не скрываются те самые концепции, которых так избегают на словах. Очевидно, что определить содержание какого-либо историко-социологического термина — тем более такого обобщенного и емкого термина, как «феодализм», — значит на деле сформулировать содержание (концепцию) целой исторической эпохи, ее коренных особенностей, ее сути. Образец такой концептуальной расшифровки понятия «феодализм» мы впервые находим только в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Рассмотрение феодализма

¹ Было бы в высшей степени ошибочным заключить из этой особенности процесса исторического познания, что он более субъективен, что его результаты в конечном счете менее достоверны, чем в науках о природе. «Заблуждаться», как известно, — не только удел историка. Однако одно несомненно: истина в истории «дается в руки» труднее, пути к ней сложнее и постигается она много медленнее, чем в других науках.

как одного из закономерно необходимых этапов в поступательном развитии человечества оказалось столь плодотворным, что основанная на марксистско-ленинской методологии историография сумела создать крупные синтетические труды по истории самых важных периодов средневековья. В конечном итоге и буржуазная историография в лице ряда школ должна была либо воспринять хотя бы отдельные элементы этой концепции, либо так или иначе с ней считаться. Именно поэтому эволюция самих основополагающих представлений о феодализме в новейшее время не может не привлечь нашего самого пристального внимания².

В поисках исторических корней современных буржуазных концепций феодализма мы должны были бы обратиться к юриспруденции, политической мысли и публицистике XVII—XVIII вв., то есть ко времени английской и французской буржуазных революций, когда в ходе идейной борьбы третьего сословия со старым режимом складывались и исторические концепции того, что отрицалось, и терминология, в которую эти представления отливались³. Буржуазное Просвещение наполнило рудиментарную к тому времени юридическую терминологию феодалов историческим смыслом и сделало выражения «*systeme féodal*», «*régime féodal*» достоянием исторической науки. Как завершение этого развития последовало превращение прилагательного в имя существительное, то есть в обобщенное историческое понятие — «*féodalité*». Естественно, что в истолковании содержания этого понятия должна была с самого начала установиться многозначность, которая прямо или косвенно отражала классово выраженную идеологию борющихся в стране социальных сил. Так, если для идеолога французской знати графа Булэнвиллье термин «*féodalité*» означал лишь «метод», «форму управления», установившуюся в Галлии после завоевания ее франками и олицетворявшуюся в политической раздробленности и всесии знати⁴, то для восставшего против абсолютизма третьего сословия термин «*droits féodaux*» означал уже нечто иное — прежде всего сеньериальные повинности, отягочавшие крестьян⁵. Точно так же, заявляя о необходимости полного уничтожения «*régime féodal*», декрет Национального собрания от 11 августа 1789 г. имел в виду прежде всего сеньериальную власть над земледельцем⁶. Нет поэтому ничего удивительного в том, что к концу XVIII в. термин «*féodalité*» получил уже то троякого рода истолкование, которое с незначительными изменениями унаследовала буржуазная историогра-

² Назовем лишь основные работы: O. Hintze. *Wesen und Verbreitung des Feodalismus*. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-Historische Klasse. Leipzig. 1929; H. Mitteis. *Lehnrecht und Staatsgewalt*. Weimar. 1933; e. j. u. s. d. *Der Staat des Hohen Mittelalters*. Weimar. 1940; J. Calmette. *Le monde féodal*. Paris. 1938; M. Bloch. *La société féodale*. T. I—II. Paris. 1939—1940; H. A. Cronne. *The Origin of Feudalism*. «History», 1939, vol. 24, № 95; C. Stephenson. *The Origin and Significance of Feudalism*. «American Historical Review», 1941, vol. 46, № 4; e. j. u. s. d. *Medieval Feudalism*. New York. 1942; Fr. Ganshof. *Qu'est-ce que la féodalité?* Bruxelles. 1947; «*Feudalism in History*». Ed. by R. Coulborn. New Jersey. 1956; O. Brunner. *Feudalismus*. Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und Literatur». Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse. Mainz. 1958, № 10; R. Boutruche. *Seigneurie et féodalité*. Paris. 1959; R. S. Hoyt. *Feudal Institutions*. New York. 1961; I. C. Holt. *Feudalism Revised*. «Economic History Review». 1963, 2. ser., vol. XIV, № 2.

³ См. «*Reliquiae Spelmanianae*». Oxford-London. 1698; W. Blackston. *Commentaries on the Laws of England*. London. 1765—1769; E. Littré. *Dictionnaire de la langue française*. Paris. 1872, p. 1642.

⁴ H. Boulainvilliers. *Histoire de l'ancien gouvernement de la France, avec XIV lettres historiques sur les parlements ou Etats Généraux*. T. I. La Haye. 1727.

⁵ См. G. Lefebvre. *Les paysans du Nord pendant la Révolution Française*. T. I. 1924, p. 136.

⁶ В документе, датированном 1783 г., встречается следующее употребление этого термина: «*Une féodalité des gros propriétaires campagnards qui peuvent spéculer sur les ventes*». Цит. по: G. Lefebvre. *Op. cit.*, p. 369.

фия наших дней, истолкование формально-юридическое, политическое и социальное, или, точнее сказать, социологическое.

К XVIII в. в конечном счете восходят и бросающиеся в глаза далеко идущие различия в современной буржуазной историографии во взглядах на феодализм, если оценивать его с точки зрения всемирно-исторической, то есть общего процесса развития человечества. Так, если для Монтескье установление «феодальных законов» в Европе — явление уникальное, событие однократное, неповторимое ни в пространстве, ни во времени (что служит, по существу, обоснованием европоцентристской точки зрения)⁷, то для Вольтера феодализм — факт не только европейский, но в известном смысле и всемирно-исторический, который может повториться у различных народов, оказавшихся в аналогичном положении. «Давно доискиваются, — пишет он, — ...происхождения феодального правительства. Правительство монголов после Чингисхана является правительством феодальным в такой же мере, как и правительство Германии или почти всех других государств Европы». Это издавна практиковавшаяся всеми завоевателями система управления. Феодализм не событие, не нововведение, «это форма весьма древняя, которая существует в трех четвертях нашего полушария...»⁸. Джамбаттиста Вико писал еще раньше о ряде «вечных» (в смысле повторяемости у различных народов на определенной стадии их развития) принципов феода, видя в них не уникальную находку, не «изобретение» чьего-либо гения, а социально-детерминированную стадию всемирного развития⁹.

Таким образом, уже в XVIII в. наметились основные спорные вопросы буржуазной науки наших дней: один «феодализм» или много «феодализмов», случайный строй одного урлка Европы или стадия в развитии общества, то есть универсально-историческая стадия?

Однако указать корни современных воззрений еще отнюдь не значит объяснить их содержание и в особенности место тех или иных взглядов в современном историческом мышлении¹⁰. А между тем мы являемся свидетелями глубоких сдвигов в самих основоположных его понятиях, в том числе и в интересующей нас области.

Сущность и направление этих сдвигов отчетливее всего выявляются анализом концепций феодализма, которыми современная буржуазная историография обязана четырем основным ее школам: политико-типологической (О. Гинтце, современные американские компаративисты), социально-исторической (М. Блок и его последователи), формально-юридической (Ф. Гансхоф, Ф. Стентон, К. Стефенсон) и, наконец, западногерманской «современной школе» (О. Бруннер, Т. Майер, К. Босл и др.) Рассмотрим эти школы в последовательности, которая обнаружит, с одной стороны, их связь с определенным временем и, с другой стороны, их взаимосвязь.

Не будет преувеличением сказать, что работа Отто Гинтце¹¹ — в одно и то же время и яркое свидетельство подобных сдвигов и первая в буржуазной историографии попытка серьезного концепционного анализа самого понятия «феодализм». Поэтому она и послужит отправным пунктом нашего дальнейшего изложения.

Предшественниками Гинтце были, с одной стороны, Георг фон Белов¹² и, с другой, — Макс Вебер. У первого Гинтце воспринял изначаль-

⁷ Ch. L. Montesquieu. *Esprit des Lois*. Paris. 1883, XXX, 1.

⁸ J. M. F. Voltaire. *Fragments historiques sur l'Inde*. *Oeuvres complètes*. T. XXIX (Ed. Garnier). 1879, p. 91.

⁹ Джамбаттиста Вико. *Основания новой науки об общей природе наций*. Л. 1940, стр. 443.

¹⁰ Ср. Girolamo Arnoldi. *Feudalismo e le uniformita nella storia*. «*Studi medievali*», 1963, fasc. I.

¹¹ O. Hintze. *Wesen und Verbreitung des Feodalismus*.

¹² G. von Belov. *Der deutsche Staat des Mittelalters*. Leipzig. 1914.

ное определение феодализма, рассматриваемого в качестве институционно-политического метода, с помощью которого носители частной власти включаются в систему государства. У второго Гинтце заимствовал логический стиль исторического анализа, его систему «идеальных типов». Однако он дополнил концепцию Белова, высказав тот взгляд, что «феод» обладал в одно и то же время функциями и военными, и хозяйственными, и социальными. Что же касается типологического истолкования исторической терминологии, то Гинтце дополнил его методом сравнительно-историческим. Но об этом ниже. Если Белов сомневался в полезности сравнительно-исторического подхода к изучению проблемы феодализма, ограничивая его рамками романо-германского мира, то Гинтце с самого начала поставил вопрос: насколько и на каком основании оправдано применение термина «феодализм» для характеристики «культур» других (помимо германо-романских) народов? Сформулировав свое понимание феодализма как системы управления обширным государством в условиях господства натурального хозяйства, Гинтце свел сущность этого строя к превращению политической власти в атрибут землевладения, что, в свою очередь, приводило к дроблению объекта управления (территории) вместо дифференциации функций управления, характерной для современного «учрежденческого» государства. Таким образом, ленная система оказывалась лишь «вариантом» патриархально-вотчинной формы управления, к которой прибегала королевская власть, когда публичные средства власти отсутствовали или оказывались недостаточными. С этой точки зрения феодализм не распад, не разрушение государства, не его упадок и исчезновение, а, наоборот, метод создания государства на материальной основе частно-вотчинного землевладения «функционеров» государства (вотчинников), соподчиненных вассальной системой.

Политическое истолкование феодализма в концепции Гинтце являлось подлинным основанием идеально-типического осмысления этого строя. Следуя за Беловым, которого он с полным основанием обвинял в узости взглядов, Гинтце создает свой «идеальный тип» феодализма, разумеется, прежде всего на материале франкского государства, где этот строй сложился в его наиболее завершенной форме. Если такой «идеальный тип» обрисовать статически, то есть как систему институтов, то мы получим картину феодального государства, или то, что Гинтце именует «политическим феодализмом». Если же обрисовать его функционально и динамически, то, отмечает Гинтце, перед нами обнаружатся принципы движения всех других сторон этого общества: экономическая сторона феодализма (его базис — сеньериально-крестьянское хозяйство), социальный строй (сословная система), военный строй (военно-рыцарская система).

Нетрудно заметить, что в трактовке Гинтце «феод» функционально более многозначен, чем в трактовке Белова, ибо в нем в одно и то же время воплощен принцип политической, военной, хозяйственной и социальной организации общества. В результате Гинтце в известном смысле преодолел то «плоскостное» изображение феодализма, которое было характерно для сторонников единственно политического его истолкования. Вместе с тем также очевидно, что и в центре концепции Гинтце оставался государственный строй, рассматриваемый в качестве творческого начала, движущей пружины и конечной цели всей общественной системы. Все другие ее стороны оказывались в поле зрения Гинтце лишь постольку, поскольку они находились в служебном отношении к государству, в какой бы форме оно ни выступало.

Таким образом, Гинтце, с одной стороны, пытается преодолеть не только узость концепции юридической школы XIX в. (сводившей феодализм к ленной системе), но и узость концепции Белова (рассматривав-

шего феодализм почти исключительно как форму политической организации общества); с другой — он, по существу, не может вырваться из рамок этих концепций. Это становится очевидным из анализа факторов, которые, по мнению Гинтце, приводят к возникновению феодализма: раздел государственной власти «между главой и членами» (то есть королем и его функционерами на местах); частный характер власти (*Hausmacht*); взаимодействие церкви и государства (клирики — государственные мужи). Устанавливая на основе «франкского типа» феодализма наличие трех периодов в эволюции последнего: ранне-феодального (до XII в.), классически-феодального (до XVI в.) и поздне-феодального (до конца XVIII в.), — Гинтце, однако, выделяет каждый из них исходя из разных принципов: то функции дворянства, то формы государства, то функции сеньерии.

При всей ограниченности концепция Гинтце дала ему возможность положительно ответить на исходный вопрос. Феодализм в полном смысле этого слова, подчеркивал он, был известен народам не только «германо-романского мира»: его знали также Россия, страны ислама и Япония¹³. Таким образом, был сделан значительный шаг по пути преодоления европоцентристской концепции этого строя. Однако и здесь шаг этот был половинчатым, так как Гинтце отказывался признать в феодализме необходимую всемирно-историческую стадию развития. Феодализм, согласно концепции Гинтце, не являлся следствием внутреннего, «национального» развития и поэтому не может быть признан закономерным строем. Он результат особого стечения специфических исторических обстоятельств. И главное из них — отклонение процесса перехода какого-либо народа от родоплеменного строя к образованию государства вследствие завоеваний им обширных территорий. Очевидно, что перед нами снова «типизация» германо-романского, точнее — франкского, варианта генезиса феодализма. К нему «примеряются» «типы» других стран, в результате чего оказывается, что «полный феодализм» знали лишь Франция, Германия, часть Италии и Испании. Вокруг этого «ядра» расположен пояс «периферийных» стран, не знавших, как утверждает Гинтце, феодализма в строгом смысле слова. В Польше, например, военная служба шляхты была основана на повинности, а не на частном договоре; основой власти являлась аллодиальная, а не феодальная собственность и т. д.; нельзя говорить о феодализме в скандинавских странах без института «феода» и без следа вассалитета. Все это государства, возникшие на чисто племенной основе. Гинтце, наконец, совершенно отказывается признать феодализм в Индии, в Византии. «Феодализм, — пишет он, — таким образом, выступает... не как стадия чисто имманентного, внутреннего развития народов, а... одновременно и как реакция на всемирно-историческое (то есть внешне-историческое. — М. Б.) вторжение извне и как результат приспособления более молодых народов к формам старой, превосходящей культуры и цивилизации»¹⁴. Другими словами, по мнению Гинтце, феодализм невозможен без синтеза варварских институтов и институтов «более высоких», то есть рабовладельческих цивилизаций. Поскольку же синтез осуществляется лишь в результате овладения варварами территорией древней цивилизации, то критики концепции Гинтце не без основания отметили, что его «феодализм» оказывается в конечном счете лишь попутным явлением завоевания¹⁵, как «преждевременное звено» в ходе развития варваров от племенного строя к государству. Таким образом, по мнению Гинтце, феодализм случаен, так как он не может возникнуть там, где государство развивается «концентрически», «из ядра» (Греция, Рим). Но если

¹³ O. Hintze. Op. cit., S. 89.

¹⁴ Ibid., S. 108.

¹⁵ H. Mitteis. Lehnrecht und Staatsgewalt, S. 132.

на почве «органического», внутреннего развития народа какой-либо общественный строй не может сложиться, его, следовательно, нельзя и признать стадияльно обусловленной, то есть исторической, неизбежностью. Таков конечный итог рассуждений Гинтце о феодализме.

Концепция Гинтце оказала значительное влияние и на историко-юридическое направление в лице Г. Миттайса. Последний рисует феодализм широко распространенным явлением. Франкская ленная система не выступает его уникальным олицетворением, она является только частным случаем, одним из вариантов этого строя. Точно так же Миттайс не только воспринял точку зрения Гинтце на предпосылки феодализма, он, по существу, повторил его основной методический прием идеально-типического построения. Это сказалось в его характеристике ленного строя.

В противовес «центробежному» истолкованию сущности ленной системы буржуазно-либеральной историографией середины XIX в. Миттайс усмотрел в ней нечто противоположное: не ленная система как таковая привела к подрыву государственного единства Германии, а та особая форма, в которой эта система была здесь распространена. Ленное право — это единственное средство придать средневековому государству форму правового государства, это часть современной правовой жизни, ступень, ведущая к ней. Государство Миттайса не «опрокинутое в прошлое» современное буржуазное государство, оно исторично, поскольку автор не ищет в средних веках аналогии современным формам организации власти. Однако это государство не охватывает всей глубины социальной структуры общества — это «государство без крестьян», государство «верхней тысячи», каким оно рисуется в праве; более того, оно само творение права. Подчеркивая, что на ранних ступенях общественного развития правовые установления возникали непосредственно из социальных отношений, Миттайс вместе с тем признает за правом решающую роль, считает его важнейшим фактором интеграции, в котором зарождающееся государство черпает свои первые силы. Тем более это относится, по его мнению, к ленному праву, которое является силой, созидающей или разлагающей в зависимости от исторических условий. Оно сверхнационально, то есть свойственно не какому-либо национальному типу развития, а любому феодальному государству. Очевидно, что перед нами лишь чрезмерно разработанный в одном направлении тезис Гинтце о созидающей роли ленной системы в истории государства. И точно так же, как Гинтце, Миттайс подчеркивает, что ленная система необходимо складывается там, где возникает задача «политически организовать» обширное пространство при отсутствии сколько-нибудь развитых средств сообщения, денежного хозяйства. Это «морфологическая» ступень процесса становления всякого государства, возникающего из завоевания, чем подчеркивается универсально-историческое рассмотрение проблемы, рисовавшейся до того с европоцентристских позиций.

Вместе с тем, в отличие от Гинтце, романо-германский мир рисуется Миттайсу не единым типом развития, а сочетанием различных его типов. Миттайс пишет: «Следует освободиться от фикции, будто после X в. еще может идти речь о единообразии ленной системы в различных странах романо-германского мира. Исходный пункт один и тот же, а развитие в его единичном проявлении различно»¹⁶. По своей тенденции ленное право может быть и центробежным и центростремительным; оно может привести как к патримониальному, так и к централизованному, «учрежденческому» государству, как к разделу территории государства на «сферы управления», так и к рациональной дифференциации функций управления.

¹⁶ H. Mitteis. Die Rechtsidee in der Geschichte. Gesammelte Abhandlungen. Weimar. 1957, S. 130.

Хотя вся проблема феодализма выступает у Миттайса односторонне и поэтому крайне обедненно (его, как мы видим, интересует лишь взаимосвязь между ленной системой и государством, рассматриваемым к тому же как самоцель общественного развития), его концепция «феодального государства» отличается большим историзмом по сравнению с трактовкой этого вопроса в историографии начала века, в частности в работах Белова. Миттайсу удалось создать более динамическую картину средневекового государства, на фоне которой каролингская империя — этот «государственный идеал» историко-правовой школы XIX в. — оказалась всего лишь плохо сколоченной федерацией «партикуляристски устремленных» областей, а управление ею выступало как едва скрытый раздел на «области управления». Такое осмысление каролингского государства превращает следующий период, олицетворявший для буржуазно-либеральной историографии XIX в. самый глубокий упадок государственного начала, в один из этапов «государственного строительства», в безусловную необходимость, в логическое развитие уже до этого проявившихся тенденций. И хотя этот феодализм всего лишь означает ленную систему, она выступает в совершенно новом свете: из свидетельства «вырождения» государства она превращается в единственного носителя общеевропейского государственного развития. Таким образом, Миттайс оказывается первым представителем юридической школы, внесшим идеи историко-типологического направления в буржуазную историографию феодального государства.

Обосновывая познавательную ценность историко-сравнительного метода при изучении ленной системы, Миттайс утверждает, что политический результат зависит не от самой системы, а от юридических условий, в которых она функционировала. Вместе с тем он указывает на опасность поверхностных параллелей по мере пространственного расширения поля наблюдений. Как и Гинтце, Миттайс предпочитает «средний путь» между полным отказом от сравнительно-исторических обобщений, с одной стороны, и обобщением на уровне установления исторических закономерностей, с другой, иначе говоря, типологический путь.

Социально-историческое направление в истолковании феодализма в современной буржуазной историографии представлено двухтомным трудом Марка Блока «Феодальное общество»¹⁷. В этом труде предпринята попытка более или менее всеобъемлющего и целостного рассмотрения проблемы феодализма. Забегая несколько вперед, отметим, что самим подходом к данной проблеме автор, несомненно, обязан марксистской концепции общественной формации, оказавшей большое влияние на формирование его метода исследования.

В первом томе своего труда Блок сосредоточил внимание на тех чертах феодализма, которые присущи только этому и никакому иному строю (тому особенному, чем характеризуется этот строй). Отличительные черты его он усмотрел в наличии всеобщих «связей зависимости», то есть в исторически обусловленной социальной организации общества. Во втором же томе автор трактует те стороны общественной жизни, которые, по его мнению, присущи феодализму, как и любому иному строю (то общее, что присуще государству как таковому). Речь идет об организации управления. Это как бы попытка взглянуть на феодальное общество с точки зрения политической концепции его сущности.

Очевидно, что для нас основной интерес представляет проблематика первого тома. Но прежде чем рассмотреть ее, полезно проанализировать одну из последних глав второго тома — «Феодализм как соци-

¹⁷ М. Bloch. Op. cit. T. I. La formation des liens de dépendance. Paris. 1939; T. II. Les classes et le gouvernement des Hommes. Paris. 1940.

альный тип». В чем Блок усматривает основу феодализма как «типа социальной организации»? Приводя по этому поводу высказывания Герара, считавшего таковой форму землевладения, и Фляка, усматривавшего ее в системе личных связей, Блок воздерживается от прямого ответа, хотя всей своей работой присоединяется к последнему¹⁸. Феодальная система, пишет он, явилась результатом грубого разрушения варварскими завоевателями более древних обществ, основывавшихся в одном случае на связях государственных (Рим), а в другом — на кровнородственных (древние германцы)¹⁹. Эта особенность феодального общества была бы необъяснима без варварских завоеваний, которые силой заставили слиться воедино две различные общественные формы, принадлежавшие к двум различным стадиям развития. Своей спецификой феодальное общество обязано тому, что оно конституировалось в условиях всеобщей примитивизации жизни, быта и мышления, и в частности расстройстве денежного обращения, исключавшего возможность управления посредством платных функционеров государства. В этой части концепция Блока не содержит ничего принципиально нового по сравнению хотя бы с концепцией Гинтце. Новизна ее заключается не в характеристике условий генезиса феодализма, а в определении его сущности. Феодализм мыслится Блоком не как отдельно взятый институт, хотя и важный, но не объемлющий общество в целом, не как одна сторона общественной организации или организация одного из классов общества, а как строй общества, взятого в целом, сверху донизу, от короля до серва. В этом и олицетворяется подлинно синтетический характер подхода Блока к данной проблеме. Не удивительно, что, исследуя возникновение связей личной зависимости, он не ограничивается рассмотрением их в рамках «класса» сеньеров-вотчинников, обладателей «благородных держаний» — рыцарских фьефов, а включает в поле зрения и ту сферу жизни, которую государственно-правовая школа по сей день оставляет за рамками феодализма²⁰. Речь идет о включении в эти связи крестьянско-вотчинных отношений, которые в традиционной схеме фигурируют под понятием «сеньерия» и исключаются из понятия «феодализм». Это, в конечном итоге, и составляет самое важное отличие концепции Блока. Хотя Блок и отмечает, что сеньерия древнее феодализма в собственном смысле слова (то есть ленной системы) и не обязана ему своим происхождением²¹, однако, поскольку «феодальным» изображается им не один род отношений, а вся организация общества в целом, сеньерия составляет ее «важный элемент».

Типичным для Блока является следующий перечень «фундаментальных черт» феодализма: «крестьянская зависимость, ...широкая практика вознаграждения службы держаниями... (фьеф), господство профессионально-военного класса, связи послушания и защиты, которые соединяют человека с человеком и в среде военного класса принимают особую чистую форму вассалитета, дробление власти²². То, что этот перечень начинается с характеристики положения крестьянства, и составляет принципиальную новизну концепции Блока в буржуазной историографии и определяет ее несомненную прогрессивность. Но наиболее плодотворным является метод исследования феодального общества, воплощенный в анализируемом труде. Речь идет о широком использовании сравнительно-исторического анализа, о привлечении материалов социально-исторической психологии.

¹⁸ Это следует уже из подзаголовка первого тома — «La formation des liens de dépendance».

¹⁹ М. Влош. *Op. cit.*, Т. II, p. 294.

²⁰ См. ниже.

²¹ М. Влош. *Op. cit.* Т. II, p. 244.

²² *Ibid.*, pp. 249—250.

Откладывая на будущее решение вопроса, имеет ли феодализм всеобщий характер, Блок косвенно дает на него положительный ответ, относя Японию к странам, прошедшим стадию феодализма²³. Блок — компаративист в лучшем смысле этого слова. В сравнительно-историческом методе он видит верный путь как к выявлению общего и типического, так и к установлению локальных особенностей и различий.

Метод исследования, которым пользуется автор, в наиболее типичной форме представлен в первых двух книгах первого тома его «Феодального общества», охватывающих IX—XI века. Характеристику условий, сложившихся в Европе в VIII—X вв., Блок начинает с описания набегов арабов, венгров, норманнов на страны Западной Европы и материальных и духовных последствий этих набегов. Значительная убыль населения, его случайная, неравномерная миграция, материальные потери, обстановка постоянной опасности, подозрительность и духовная депрессия — все это усугубляло слабость и беспорядок, царившие в Западной Европе уже в канун нашествий. Обрисовав вслед за тем экономический быт этих стран: редкое население, наступающий на пахоту лес, затрудненные коммуникации (дороги полны опасностей), нарушенный обмен, пассивный для Запада торговый баланс, нехватка денег, оплата услуг натурой, — Блок переходит к описанию «духовных предпосылок» феодализма. Эта часть книги наиболее оригинальна. Вот, например, как Блок подходит к проблеме «психологического фона» генезиса феодализма. Его факторы: человек из народа в раннем средневековье близок к природе, груб, физически вынослив, малочувствителен и вместе с тем крайне эмоционален. Эпидемии, недостаточная гигиена, как и недостаточное питание, постоянная прикованность мысли к сверхъестественному — все это сделало его нервную систему весьма неустойчивой. Этому времени чуждо понятие точности, потому что отсутствует сама возможность быть точным. Трудность получения информации, скудость ее средств в соединении с неразвитостью мысли делали человека легковерным. В немалой мере эта эластичность восприятия объясняется состоянием основного инструмента передачи и получения информации — языка. Друг другу противостояли две группы людей: «огромное большинство неграмотных, заключенных каждый в своем диалекте», и «горстка грамотных». Эта горстка грамотных двуязычна, она прибегает то к повседневному разговорному диалекту, то к языку образованных — латыни. Единственный язык, который был способен фиксировать результаты социальной практики, познания, наиболее полезные для человека и его благополучия, — латынь — был неизвестен большинству тех, кто руководил общественными делами. Отсюда выдающаяся роль клириков среди них, с одной стороны, и частое расхождение между устно выраженной волей и ее передачей в письменной форме — с другой. Как велик был, следовательно, простор для злоупотреблений в социальной практике средневековья! Насколько глубоки подобные наблюдения, легко оценить, если иметь в виду громадный активый материал, составленный клириками от имени тех, кто мог выразить свою волю лишь устно²⁴. В результате особенно очевидной становится роль церкви в ломке родового обычая германских племен, насаждении римского формуляра, враждебного по духу своему этому обычаю и ускорявшего его гибель²⁵.

²³ *Ibid.*, p. 250. В то же время Скандинавия, Фрисландия и Ирландия признаются «отсутствующими» на карте европейского феодализма (p. 248).

²⁴ М. Bloch. *Op. cit.* Т. I, p. 5.

²⁵ Кстати, Блок подводит читателя к пониманию роли устного творчества, исторических корней эпоса, замечая по поводу него: «Часть — из действительности, часть — из фантазии» — и далее: «Зная, с каким интересом люди феодальной эпохи относились к прошлому и с каким удовольствием они слушали повествование о нем, не приходится удивляться тому, что устная традиция сохранилась в течение веков».

Разумеется, что искать основные предпосылки генезиса феодализма в таких случайных факторах, как внешние вторжения, значило пройти мимо основных закономерных его предпосылок. Увлечение анализом условий возникновения феодального строя уводило Блока от поисков причин его возникновения. Однако именно увлечение социально-психологическим фоном феодализма привело Блока в тесное соприкосновение с народными массами далекого прошлого, что позволило ему глубже понять их исторические судьбы.

Наконец, заслугой Блока является утверждение истории как науки и сравнительного метода как основного ее средства исследования. Общества могут быть познаны в их единичном, если их рассматривать не изолированно, а в сопоставлении друг с другом. Для этого история различных народов должна быть расчленена на сопоставимые периоды. Сам Блок настаивал на вычленении двух периодов феодального общества: с IX по XI в. и с XI до середины XIII в., — хотя признавал, что этим история этого общества не завершается²⁶.

«Феодальное общество» Блока остается поныне лучшим синтетическим исследованием буржуазной историографии по истории феодализма, работой, в которой буржуазный ученый до некоторой степени приблизился к марксистскому пониманию сущности этой формации.

В послевоенной буржуазной медиэвистике компаративизм на политико-типологической основе привился в значительно большей степени за океаном, чем в Европе. Именно в США была предпринята первая попытка универсально-исторического (как во времени, так и в пространстве) рассмотрения феодализма²⁷. Объяснить этот факт нетрудно. Во-первых, в США «европоцентристские традиции» в медиэвистике были всегда слабее, нежели в Западной Европе, и их преодоление здесь зашло много дальше. Во-вторых, в США было, естественно, легче отвлечься от идеи исключительности франкского феодализма и утвердиться в идее более плодотворной, а именно в многовариантности феодального строя. Наконец, в США развитие социологических методов в 20—30-х годах нашего столетия, в том числе и в исторических исследованиях, намного опередило по своей интенсивности и масштабам аналогичные процессы в западноевропейской историографии. Однако отметим с самого начала, что компаративизм в медиэвистике США, в той мере, в какой он отразился в названном коллективном труде, выглядит обедненным по глубине охвата общественных явлений по сравнению с компаративизмом М. Блока: он жидкнет на построениях Гинтце — Миттайса, охватывающих лишь государственно-правовую область общественной жизни. Не удивительно, что этот компаративизм оказался малопродуктивным по своей методологической основе и методическим приемам.

Труд «Феодализм в истории» представляет собой научный итог симпозиума, призванного ответить на весьма важный методологический вопрос: в какой мере истории свойственны «повторения и единообразие»? (Обратим внимание на эту формулировку: речь идет не о закономерностях исторического развития, а лишь о «повторениях»!) По мнению участников симпозиума, феодализм среди всех других «типов» социальной организации — наиболее очевидный пример для положительного ответа на этот вопрос. С этим можно было бы только согласиться, ибо феодализм — действительно самая распространенная, универсальная антагонистическая общественная формация в истории человечества. Точно так же, несмотря на крайне обедненное понимание концепции исторической закономерности, самый факт позитивного ответа на

²⁶ М. Bloch. Op. cit. Т. II, p. 253.

²⁷ «Feudalism in History». Примечательно, что в США с 1958 г. издается единственный компаративистский исторический журнал — «Comparative Studies in Society and History».

указанный выше вопрос можно было бы также отметить как факт несомненно положительный в новейшей буржуазной медиэвистике. В дальнейшем, однако, нас ждут одни лишь разочарования. Начать с того, в чем усматривают компаративисты США сущность феодализма и как определяют его место в истории. Феодализм в интерпретации редактора рассматриваемого труда Р. Кулборна оказывается крайне близким к концепции Гинтце, именно социально-политическим «средством», с помощью которого «оживляется» пришедшая в упадок цивилизация²⁸. Условия, «благоприятные для возникновения феодализма», суть следующие: «Где правительства не способны защитить подданных от внутреннего и внешнего угнетения; где военное могущество сосредоточилось в руках относительно небольшой части общества; где ранее территориально более обширные (!) экономические системы распались или где обширные политические системы созданы были при отсутствии экономического единства»²⁹. Наконец, преобладание агрикультуры, локальность экономических связей и т. д.

Очевидно, что весь этот перечень черт говорит о феодализме как продукте исторических превращений предшествующих ему цивилизаций, а не о феодализме, возникшем на почве прогрессивного развития ранее более примитивного общества. Внешним завоеваниям, вторжениям варварских народов на территорию одряхлевших цивилизаций и здесь отводится, как и в концепции Гинтце, решающая роль в генезисе феодализма. Среди всех девяти исторических примеров феодализма, проанализированных участниками симпозиума, только пример Японии может подойти под последний тип развития. Однако и здесь вопрос о роли внешних влияний, и в особенности взаимодействия с цивилизацией Китая, выяснен еще далеко не достаточно.

Следовательно, феодализм выступает вовсе не как самобытная и тем более не как закономерно наступающая стадия общественного развития с только ей присущей спецификой, не как результат поступательного движения одной и той же цивилизации, а как перерыв в этом движении, как результат катаклизма, упадка, распада, разложения прежней цивилизации. А так как такой «кризис» может наступить, по мнению Кулборна, на различных стадиях общественного развития, то и «обращение» к феодализму в качестве «спасительной меры» носит временный характер, ибо как только кризис прошел, то и феодализм отвергается и преодолевается, он становится ненужным. Следовательно, феодализм сам по себе не «цивилизация», а лишь метод политической организации, к которому прибегают при экстренных условиях. Это скорее вспомогательная стадия в циклическом развитии различных цивилизаций, между распадом старой и становлением новой. Отсюда вытекает признаваемая Кулборном возможность возникновения феодализма в самые различные эпохи и повторения его на разных этапах истории одной и той же страны. Участники симпозиума находят феодализм и в древней Месопотамии, и древнем Египте, и в мусульманской Индии, Иране, Китае (династия Чжоу) наряду с Японией, Россией, Византией и, конечно, Западной Европой.

В определении сущности феодализма авторы главы «Понятие феодализма» историки Штрайер и Кулборн, как мы видим, гораздо ближе к рассуждениям Гинтце, нежели к синтетической концепции М. Блока. «Это слово,— пишут они,— означает скорее общий метод политической организации, нежели один какой-либо институт. Данный метод могли практиковать и народы, у которых не нашли такого специального института» (то есть ленной системы)³⁰.

²⁸ «Feudalism in History», p. VII.

²⁹ Ibid., p. 8.

³⁰ Ibid., p. 3.

Разумеется, если рассматривать это определение в качестве выступления против «индивидуализирующего», формально-юридического метода в истории, то, несмотря на свои недостатки, оно выступает как свидетельство научного прогресса в буржуазной медиевистике, поднимая важные вопросы исторического познания. «В течение многих поколений,— читаем мы,— историки настаивали на том, что каждое историческое событие... уникально и неповторимо. Между тем они употребляли слова и концепции скорее универсального, чем специфического значения. На каком основании допустимо употребление слов столь общего значения? Имеются ли события, которые столь похожи, что должны привести к одинаковым результатам? Являются ли возможные решения общественных проблем столь ограниченными в числе, что события, которые в действительности не совсем схожи, приведут к результатам почти идентичным? Или все это только мираж, обусловленный бедностью нашего словаря?»³¹.

Итак, участники симпозиума — очевидные сторонники универсально-исторического подхода к проблемам феодализма и столь же решительные противники европоцентристского их истолкования; но, поскольку они сводят сущность феодализма лишь к методу политической организации, их собственная концепция столь же бесплодна, как и концепция феодально-юридическая. Содержание феодализма выступает столь же односторонним, и авторы вводной главы не случайно упоминают в качестве основной предпосылки феодализма не общественный процесс, а «событие». Если феодализм всего лишь метод решения политических задач, то к нему обращаются именно после «события», то есть крушения централизованной монархии, обусловленного внутренними либо внешними причинами. Узость содержания, точнее, бессодержательность данной концепции не может не броситься в глаза при ее сопоставлении с концепцией М. Блока, в особенности когда мы читаем следующее: «Феодализм есть прежде всего метод управления, а не экономическая или социальная система»³². Более того, такое утверждение является шагом назад и по сравнению с концепцией Гинтце, которая наряду с «политическим» феодализмом включала феодализм экономический, социальный и военный.

В поисках создающего начала феодализма Штрайер и Кулборн отдают решительное предпочтение «связям личным» (вассалитету), считая, что выдвигание на первый план отношений фьефных способно лишь ввести в заблуждение³³. «Сам по себе факт,— читаем мы далее,— что один человек держит землю от другого, еще не создает необходимого феодального отношения», так как «власть феодального лорда не является простым расширением власти лендлорда», хотя в «зрелом» феодальном обществе будет отмечаться почти «равное развитие» и вассалитета и фьефной системы. Штрайер и Кулборн отрицают феодальный характер отношений между лордом и крестьянином, поскольку, по их мнению, ничего специфически феодального в этих отношениях нет: все правящие классы прошлого содержались трудом крестьян и присваивали себе право ими управлять, судить их и облагать налогами. Это замечание имеет несомненное основание, в особенности в свете истории стран Древнего Востока. Вопрос о том, при каких общественных условиях оброки с крестьян и платежи превращаются в феодальную ренту, отнюдь не праздны. Более того, он имеет немаловажное значение для решения проблемы о начале феодализма и в странах Западной Европы, где оброки с земледельцев, их платежи государству также древнее феодализма. Однако участники симпозиума скорее склонны снять

³¹ Ibid., p. 4.

³² Ibid.

³³ В противовес точке зрения Фюстель де Куланжа, Сибомы, Адамса.

с обсуждения этот огромной важности вопрос, чем решить его, ибо они ограничиваются констатацией: «Право судить и облагать крестьянина платежами... тот факт, что лорд содержится трудом подвластных ему крестьян, — не свидетельствует о существовании феодализма»³⁴. Складывается впечатление, что сеньериальный разрез отношений не входит в концепцию феодализма американских компаративистов.

Сравнительно-исторический метод требует от буржуазной историографии новых представлений, новых концепций. Поскольку же таковые отсутствуют, этот метод обрекает ее на блуждание в лабиринте противоречий. Можно согласиться, что «ни одно статическое определение (феодализма) не может быть полностью удовлетворительным, ибо феодализм, подобно любой другой политической (НВ.—М. Б.) системе, беспрерывно развивается. Статическое определение должно быть дополнено другим определением — в терминах динамических»³⁵. Но значит ли это, что динамическое определение должно быть лишено конкретного содержания и поэтому являться в равной мере пригодным для характеристики любой формы общественного строя, как это делают названные авторы, предлагая характеристику феодализма в качестве «серии ответов на определенный род запросов»? Не удивительно их горькое разочарование тем, что даже самый тщательный анализ содержания этого термина не оправдал их надежд. «Феодализм — неудачное слово, — цитирует Штрайер Мэтланда. — Оно непригодно даже с точки зрения задач анализа одного лишь западноевропейского развития»³⁶. Слово «феодализм», говорит он, привлекает внимание лишь к одному элементу в сложной организации общества, к тому же — элементу, который не является наиболее характерным для данного строя, так как зависимые и служилые держания были известны задолго до того, как возник самый термин, который они позднее обозначались. Если именовать «феодальной» каролингскую империю, продолжает Штрайер, то нужно другое слово, чтобы описать состояние западноевропейских стран в XI веке. Классовая структура общества позднего средневековья была иной по сравнению со структурой общества раннего средневековья, но являлись ли они в равной степени «феодальными»? Сеньерии 1000, 1200 и 1400 гг. весьма различаются между собой, однако кто скажет, какую из них признать типичной для феодализма? Феодализм, заключает Штрайер, не синоним ни аристократии, ни крупного землевладения, ни зависимого держания.

Мы умышленно изложили ход рассуждений Штрайера, чтобы стала очевидной методологическая беспомощность «типологии» компаративизма, представленного в труде «Феодализм в истории». Нетрудно понять, почему историки этой школы, столь стремившиеся вырваться из плена формально-юридической трактовки феодализма, не ухватились за единственную альтернативу — за то содержание, которым наполнило этот термин законодательство французской революции, выдвинувшее на первый план сеньериальную власть и именно ее в первую очередь уничтожившее. Правда, такая постановка вопроса может вызвать возражение, заключающееся в том, что «остаточные» явления этого строя, дожившие до конца XVIII в., мы выдали бы за строй в пору его расцвета, каким его знало классическое средневековье. Однако не вправе ли мы предположить, что именно этот «рудимент» и являлся истинным базисом всей цепи отношений и в пору их расцвета? Так или иначе, но, упустив эту возможность, Штрайер повторяет политическое определение феодализма, которое «динамично» именно потому, что оно лишено конкретного содержания: феодализм — форма управления. Это

³⁴ «Feudalism in History», p. 7.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

теория субординации, фикция единства, «кооперация» среди феодальных лордов. Империя Карла еще не была, по мнению Штрайера, феодальной, ибо магнаты обладали политической властью в качестве уполномоченных короля, а не именем собственного права. Феодализм установился здесь в полустолетие, следующее за временем царствования Карла Великого, когда возникло феодальное управление, то есть когда частная власть стала олицетворением государства. В итоге феодализм снова сводится к политической раздробленности, к поместью-государству. То, что казалось столь обнадеживающим и радующим новизной в самой постановке проблемы о «повторяемости» и «единообразии» в истории, привело нас к определению, являвшемуся трюизмом уже в конце XIX века.

Этим, однако, полностью не зачеркивается научная значимость труда, созданного скорее с целью постановки, по существу, новых для традиционной буржуазной историографии вопросов, нежели для окончательных ответов на эти вопросы. Сравнительно-исторический метод, как известно, отнюдь не «изобретение» наших дней, новым для буржуазной медиевистики является лишь приближение к мысли о феодализме как наиболее универсальной среди классовых общественно-экономических формаций. Поэтому заслуга историков — участников симпозиума несомненна, несмотря на слабость такой концепции феодализма.

Парадоксально, но в Европе компаративизм в послевоенные годы утвердился во многих областях социально-исторического исследования, однако только не в исследовании юридически интерпретируемых феодальных институтов. В этой области реакция была обратной. Социально-историческое истолкование феодализма, обоснованное Блоком, среди буржуазных историков нашло гораздо меньше сторонников и продолжателей, нежели критиков. Прежде всего эту роль взяли на себя представители «современной школы» в ФРГ. В качестве иллюстрации позиции последних остановимся на работе О. Бруннера «Феодализм. Очерк смысловой истории».

Эта работа была опубликована 30 лет спустя после работы Гинтце. В руках Бруннера уже находились труды Миттайса, Блока и американских компаративистов. Однако его концепция феодализма от этого несколько не стала богаче. Наоборот, Бруннер зовет назад, от сравнительно-исторического и социологического рассмотрения феодализма к «юридическому» и «точному» его определению. Критикуя типологический метод Гинтце, он утверждает: если понятие «ленный строй» не исчерпывается термином «феодализм», то, наоборот, понятие «феодализм» вполне покрывается термином «ленный строй»³⁷. При этом он решительно подчеркивает уникальность западноевропейской «ленной системы». Как только историк оставляет эту «твердую почву», понимание феодализма становится настолько расплывчатым, что встает вопрос: можно ли вообще определить, что есть «феодализм»?³⁸

Прослеживая историю понятия «феодализм», Бруннер устанавливает, что со времени французской революции конца XVIII в. оно отождествлялось в историографии и политической мысли то с «сословным строем», то есть с системой прав и привилегий, «уступленных государством» одним классам и не признаваемых за другими; то с политической монополией дворянства (Сийес: дворяне — «уполномоченные феодализма»); то с иерархически построенным аристократическим союзом территориальных господ; то с системой власти, основанной на личной зависимости человека от человека и рассматриваемой как наиболее нетерпимая форма рабства; то, наконец, с крупным землевладением — этим

³⁷ О. Brunner. Op. cit., S. 352.

³⁸ Ibid., S. 319.

«несущим фундаментом феодального общества» («марксистское», по мнению Бруннера, восприятие).

В итоге подобного анализа современная буржуазная медиевистика оказывается в заколдованном кругу и снова и снова задается вопросом: что же такое феодализм, описывать ли его с помощью «набора» черт или путем выделения одной профилирующей черты, и может ли он вообще быть определен?

К этому скепсису приводит не столько множественность общественных «систем», которые подводятся под это понятие, сколько порочность метода анализа Бруннера. В самом деле, задавшись целью исследовать эволюцию понятия «феодализм», Бруннер смешал историю научного словоупотребления (кстати, ее он меньше всего касается) и его популяризацию, использование в политической пропаганде, публицистике. Сюда же присовокуплено и понятие «феодализм» в буржуазной социологии, истории политической мысли, истории права. Естественно, что ничего, кроме бесконечной путаницы, от такого «многопланового» решения стоявшей перед нами задачи ожидать невозможно.

Как известно, в различные периоды в центре внимания историографии оказываются различные аспекты истории прошлого. Историк волен посвятить себя изучению не целой структуры, а ее части. Однако это еще не значит, что правомерно целое свести к части или один из аспектов проблемы выдать за единственный. Именно этого самого кричащего логического порока буржуазной историографии не заметил Бруннер. Феодализм может быть определен юридически или политически, экономически или социально; он может выступать как сословный строй или как строй государственный; он может предстать как организация производства и распределения и как определенное «состояние человеческого духа» — веры, знаний, общественной психологии и т. д. Однако это еще не означает, во-первых, что существует столько определений понятия «феодализм», сколько аспектов его логического анализа, во-вторых, что каждое такое определение отрицает предшествующее или последующее и тем более исчерпывает их и, в-третьих, — и это самое главное, — что все эти определения внутренне не взаимосвязаны и не обусловлены одним из них — основным, определяющим аспектом. Весь вопрос заключается лишь в том, в чем усматривать последний. Узость буржуазных концепций феодализма в том и проявляется, что в качестве решающего аспекта феодализма называется такой из вышеперечисленных, который в действительности является приводящим и поэтому не охватывает структуру общества в целом. В действительности все это только означает, что буржуазная историография, упорно отвергая марксистскую концепцию общественно-экономической формации, естественно, оказалась не в состоянии выработать свою собственную «логическую модель» средневекового общества, которая позволила бы охватить его сверху донизу. Хотя Бруннер останавливается довольно подробно на экономических предпосылках и основах феодализма, рассматривая в качестве них хозяйственную структуру, в которой преобладает земледелие, а обмен, существующий наряду с господствующим натуральным хозяйством, остается у него локально ограниченным, он делает это только в связи с изложением тех вопросов, которые поставлены перед наукой марксизмом. Марксистское определение феодализма Бруннер толкует крайне односторонне и упрощенно, а именно как понятие, возникшее под влиянием словоупотреблений французской революции. Поскольку феодализм во Франции XVIII в. был «остаточным» и сводился к крупной земельной собственности — сеньеральной власти, последняя и в концепции революции конца XVIII в. и в марксистской «слывет несущим фундаментом феодализма». Изложив по-своему марксистскую концепцию, Бруннер решительно с ней не соглашается. Определяющим

для феодализма, по его мнению, является не «состояние» (имущество), а сословность: «Не землевладение составляло стержень феодализма»³⁹. Вне государственного, институционального аспекта, заключает Бруннер, понять феодализм невозможно.

Многие историки данного направления, сознавая чрезмерный «технизм» формально-юридического толкования термина «феодализм», сами употребляют его не только в узком, но и в более широком сословно-политическом значении. Так, западногерманский медиевист Карл Босл в одной из своих работ пишет: «Феодальный строй, который мы зачастую сводим к вассалитету, возник на другой социально-политической стадии и с некоторыми модификациями продолжал существовать вплоть до начала XIX в.»⁴⁰. Это признание не помешало ему, однако, буквально несколькими строками ниже утверждать, что именно относительно X—XII вв. «можно со всей строгостью говорить о феодальном обществе», так как речь идет о «великой эпохе вассалитета»⁴¹. Естественно, что такая, мягко выражаясь, эластичность понятий не содействует их уточнению и установлению их однозначности. Тем не менее очевидно, что само признание их многозначности вынужденно. Историки государственного строя средних веков — в его традиционных рамках, включающих и историю сословного строя, — попросту не могут оперировать формально-юридическим определением феодализма. Вот почему Босл вынужден признать: «Фьеф и вассалитет не являются единственными формами [суверенитета или сосуверенитета]... феодализм также имеет и социальную сторону (*un cadre social*), нисходящую вплоть до уровня наиболее низкого»⁴². Признание характерное: речь идет о «сенъериальном аспекте» феодализма, о способе существования низших классов — крестьянских масс, городских общин. И хотя эти массы в глазах Босла — всего лишь «сырье» истории, они «пассивны и терпеливы», не принимают «никакого видимого участия в политических и социальных судьбах страны»⁴³, тем не менее он вынужден признать, что без них картина феодализма была бы неполной. Итак, мы оказались перед любопытным историографическим фактом: содержание термина «феодализм» в современной буржуазной медиевистике может значительно варьировать и даже оказаться противоположным в зависимости, так сказать, от «специальности» историка. Естественно, что вместе с содержанием «феодализма» варьируют и хронологические рамки строя, этим термином обозначаемого. Так, если исходную грань его Босл усматривает в VIII в., то конечную он относит к началу XIX века. Фактически он знает и другую его хронологию, более «строгую», «точную» — X—XII вв., то есть ленную систему, однако для целей его исследования она не годится.

Верными себе остаются только историки формально-юридической школы, изучающие вассально-ленные отношения. Им представляется, что для цели, ими преследуемой, вполне достаточно истолковать термин «феодализм» в полном соответствии со словоупотреблением средневековых февдистов, то есть как синоним этих отношений. Очевидно, что в такой интерпретации история феодализма — это история одного из институтов средневекового общества, который к тому же рассматривается в полном отрыве от подлинных предпосылок его возникновения, самодовлеющий характер ленной системы в освещении этой школы поистине доведен до последней грани.

Такова точка зрения формально-юридического направления в буржуазной медиевистике. Наиболее ярко она представлена в Западной

³⁹ *Ibid.*, S. 604.

⁴⁰ K. Bosl. *La société allemande moderne, ses origines médiévales*. «Annales. E. S. C.». 1962, 17 année, № 5, p. 851.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*, p. 852.

Европе в труде бельгийского историка Ф. Гансхофа, а в США — трудами К. Стефенсона, Хойта и др. В книге «Что такое феодализм?»⁴⁴ Гансхоф предупреждает, что его интересует феодализм в «тесном», «техническом», «юридическом» смысле слова, то есть в качестве обозначения института «феодално-вассальных» отношений, к тому же ограниченного им территориально районом между Луарой и Рейном («колыбель феодализма») и хронологически периодом X—XII вв., исчерпывающих историю этого института. Конечно, историк может изучать отдельно взятый институт — в этом смысле Гансхоф выполнил свою задачу безупречно. Поражает другое — совершенно искреннее убеждение, что этот институт может быть объяснен сам по себе и «сам из себя», без той почвы, которая его взрастила и питала, и в частности, даже без простого упоминания, не говоря уже об анализе, крестьянско-вотчинных отношений, ему предшествующих. Нам же представляется само собой разумеющимся, что, например, без взаимосвязи с последними не могут быть объяснены самые кардинальные факты генезиса вассально-ленных отношений, хотя бы такие, как бенефициальная реформа Карла Мартелла, слияние бенефиция и вассалитета и многие другие. А между тем Гансхоф ни разу не испытывал нужды даже в кратких экскурсах в другие области жизни. Точно так же и английский историк Ф. Стентон в работе «Первый век английского феодализма (1066—1154 гг.)»⁴⁵ смог обойтись даже без упоминания манориального строя. Его интересовали лишь отношения, основанные на вассальном договоре, — они и исчерпывают для него содержание феодализма.

Некоторые историки и этого направления сознают неудобства столь ограниченного истолкования понятия. Сознание этого зреет в последние годы в буржуазной историографии, являясь следствием все более широкого и глубокого анализа средневековья. Так, французский медиевист Р. Бутрюш, один из современных представителей школы М. Блока, с одной стороны, ратует за строго юридическую интерпретацию термина «феодализм». «Могут возразить, — пишет он, — что вопросы терминологии не имеют большого значения и что мы воюем с ветряными мельницами. Нам это, однако, представляется иначе. Обозначать тем же термином не только все «связи зависимости», но и общества и институты, которые ничего общего не имеют с феодализмом, значит... вуалировать за путаницей слов непонимание вещей. Мы настаиваем на том, что без вассального договора, без фьефа, без социальной и политической организации, основанной на личных связях особого рода (!), нет феодального строя»⁴⁶. В действительности, однако, в своих собственных работах автор не смог отойти от того пути, который был до него проложен трудами Блока. Выход Бутрюш нашел чисто словесный: свою книгу, посвященную западноевропейскому феодализму, он озаглавил «Сеньерия и феодализм», то есть ввел в название понятие, выходящее за рамки, принятые формально-юридической школой. Иначе говоря, сохраняя в общем горизонт Блока и исследуя наряду с вассально-ленными отношениями также и отношения крестьянско-вотчинные, Бутрюш указанным заглавием как бы достигает двойного рода цели: отдает дань академической традиции, давая понять, что он рассматривает не только феодальные институты (в понимании формально-юридическом), но и институты сеньериальные, которые он тем не менее никак не решается назвать «феодальными», и, с другой стороны, подчеркивает, что такая интерпретация феодализма не охватывает структуру общества в целом, сужена и нуждается потому в весьма существенном дополнении. Другими

⁴⁴ F. Ganshof. Qu'est-ce que la féodalité. Bruxelles. 1957.

⁴⁵ F. M. Stenton. The First Century of English Feudalism (1066—1154). Oxford. 1932; ср. C. Stephenson. Medieval Feudalism.

⁴⁶ R. Boutruche. Seigneurie et féodalité, pp. 23—24.

словами, за таким терминологическим пуризмом кроется красноречивое признание того, что без сеньерии нет феодализма, что без нее он не может быть понят в своем существе (хотя и может быть отчетливо описан в одной лишь плоскости), что сеньерия — истинный базис феодализма, следовательно, «феодализм» в собственном смысле слова.

Подведем некоторые итоги.

1. Концепция феодализма в буржуазной историографии претерпела за последние два-три десятилетия значительную эволюцию, отражающую известным образом эволюцию историко-философского и логического подхода к рассмотрению этой проблемы. В результате мы можем констатировать наличие не одной, а, по существу, нескольких концепций. Основные из них: формально-юридическая, которая сводит историю феодализма к истории вассально-ленных отношений; государственно-правовая, идентифицирующая феодализм с «методом» конституирования власти при условии отсутствия публичных средств власти, и, наконец, социально-историческая, которая в лице М. Блока приблизилась к пониманию феодализма как общественного строя, существенной чертой которого является эксплуатация класса земледельческого классом рыцарским. Однако преобладающими в буржуазной науке наших дней, несомненно, являются первые две концепции.

2. В соответствии с эволюцией самого толкования феодализма в буржуазной историографии видоизменялся метод изучения средневекового строя. Наряду с традиционным, европоцентристским, а точнее, «западно-европейским», взглядом на феодализм как на уникальный и неповторимый строй, порожденный германо-романским миром, в современной буржуазной историографии, особенно в медиевистике США, утверждается метод сравнительно-исторический, приверженцы которого стоят на точке зрения, близкой к универсально-историческому толкованию характера феодализма, признанию его «повторяемости» и распространенности далеко за пределами Западной Европы.

По сравнению с европоцентристским подходом к изучению проблемы феодализма школа компаративистов, несомненно, имеет ряд как теоретических, так и методических преимуществ, обусловленных более широким полем исторических наблюдений. Ее борьба против «индивидуализирующего» метода в истории является прогрессивным явлением в современной буржуазной историографии. Методологии «индивидуализирующей» науки компаративисты противопоставляют концепцию «стадиальных аналогий». И хотя эти стадии в их интерпретации — всего лишь стадии своеобразного круговорота цивилизаций, хотя феодализм истолковывается ими чисто политически, подход американских компаративистов к этой проблеме (однако отнюдь не ее решение) много плодотворнее традиционных взглядов и приемов узкоюридического направления западноевропейской медиевистики.

Трудность определения характерных черт феодализма заключается в том, что этот строй отличается крайней многоликостью конкретно-исторических форм, как статических (институты), так и динамических (связи, отношения). Эти различия обусловлены: 1) различными путями перехода народов к феодализму — на почве синтеза рабовладельческих и первобытнообщинных институтов (с весьма различным удельным весом тех и других), на основе «органического» имманентного развития и изживания родоплеменного строя, на основе «перенесения» феодальных институтов в «готовом виде» из стран феодализированных в страны, ими покоренные (например, из Англии в Ирландию, из Франкского государства в Саксонию); 2) различными формами феодальной собственности — частно-вотчинной, государственной («азиатской») и, наконец, известным сочетанием тех и других; 3) различными формами политической организации — государство централизованное, государство-федерация слабо связанных территориальных княжеств, различные формы монар-

хии и феодальная республика (Венеция). К тому же феодальные отношения максимально «зашифровывают», затемняют суть способа производства, вуалируя и мистифицируя ее юридическими, политическими, этическими, духовными институтами. Феодальные производственные отношения при всей их внешней конкретности всегда выступают опосредствованно, воспринимаются, так сказать, наизнанку: экономическое господство выступает в качестве политического верховенства, экономическая зависимость скрыта за институтом зависимости личной, личная зависимость, в свою очередь, скрыта за концепцией «личной верности», или «подданства», земные установления выступают как «божественный порядок» и т. д. В результате ни одно статическое (по логической структуре) определение феодализма не может приобрести универсального значения ввиду того, что оно не вмещает многообразия конкретно-исторического процесса и поэтому оказывается в конечном итоге лишь «отвлечением» от какой-либо одной конкретной и по необходимости локальной формы феодализма.

Подлинно универсально-историческая концепция феодализма может быть достигнута лишь на почве методологии марксизма, позволяющей проникнуть в самую суть базисных, экономических отношений этого общества. Если попытаться суммировать современное содержание этой концепции, то оно сводится к следующему. Марксистская медиевистика рассматривает феодализм как способ производства, основанный на сочетании крупной земельной собственности и зависимого мелкокрестьянского хозяйства, эксплуатируемого в пользу номинальных собственников земли методами внеэкономического принуждения, опираясь на патримониальные формы государства. В условиях «изначального» господства частно-вотчинной системы собственности последнее переживает две основные фазы: 1) господство системы всеобщих связей личной зависимости обладателей публичных функций — вассально-ленная система (монархия-сюзеренитет); 2) система «всеобщего подданства» (монархия абсолютная). Переходная грань между ними — развитие городов и обмена.